

Религиозные практики и культурная память в социальных институтах

УДК 398.3(520)

DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-10-34

Синтактика и прагматика древнеяпонских гаданий

Людмила М. Ермакова

*Муниципальный университет иностранных языков,
Кобэ, Япония, lermakova@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена основным типам гаданий, принятых в японской древности, – о них мы узнаем из таких памятников VIII в., как «Записи древних деяний» («Кодзики»), «Анналы Японии» («Нихон сёки»), «Собрание мириад листьев» («Манъё:сю»), «Записи об обыкновениях и землях» («Фудоки»). Примечательно, что упоминания о ритуалах гадания в этих памятниках обнаруживаются на самом раннем этапе японской космологической истории – в сюжете о том, как пара первопредков порождала мир между небом и землей, и еще в двух эпизодах повышенной значимости для японской культуры – истории о сокрытии богини солнца Аматэрасу в Небесной пещере и отправке с неба на землю внука Аматэрасу, чтобы он управлял Японией.

В круг рассматриваемых источников впервые в отечественном японоведении включен «Новый сборник гадания по черепахе» («Синсэн кисоки», предположительно IX в.); в нем, в частности, содержится миф рода гадателей Урабэ о том, как и почему гадание по лопатке оленя (скапулимантия) было официально и на высшем государственном уровне отвергнуто в пользу гадания по панцирю черепахи (пластромантия). Одна из важных целей работы – указать на определенные особенности японского типа коммуникаций с богами в рамках гадательного ритуала.

Ключевые слова: период Нара, гадательные практики, японские мифы, песни из антологии «Манъё:сю», коммуникация с богами

Для цитирования: Ермакова Л.М. Синтактика и прагматика древнеяпонских гаданий // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 4. С. 10–34. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-10-34

© Ермакова Л.М., 2022

Syntactics and pragmatics of Ancient Japanese divination

Liudmila M. Ermakova

*Kobe City University of Foreign Studies,
Kobe, Japan, lermakova@gmail.com*

Abstract. The study is devoted to the meaning and the main types of divinatory practices in the Japanese antiquity. The main objects of the study are the texts written in 8th c., such as two mythological and historic annals, “Records of Ancient Matters” (“Kojiki”) and “The Chronicles of Japan” (“Nihon shoki”), an anthology of the ancient Japanese poetry “Collection of Ten Thousand Leaves” (“Man’yōshū”) and “Records of Customs and Lands” (“Fudoki”), the last one representing some kind of ancient gazetteers.

Remarkably, the rites of divination in these annals are mentioned beginning from the earliest stage of the Japanese cosmological history. First of all, the rite is performed when the pair of ancestors is going to give birth to the world between Heaven and Earth; the next two episodes are also highly important in the cultural history of Japan, one being the story concerning Amaterasu, the Sun Goddess, who concealed herself for a time in the Rocky Celestial Cave, and the second is connected with the descent of her grandchild from Heaven to Earth in order to rule Japan.

We are also going to introduce and analyze the (“Newly compiled record of turtle omens” (“Shinsen kisōki”). This text, compiled presumably in 9th c., contains some myths of Urabe, the guild of official diviners. From it, for example, we learn the mythical explanation of the fact that divination with a deer blade (scapulimancy) was officially rejected at the state level in favor of divination with the turtle shell (plastromancy).

The main object of the paper is also to present some suggestions about the peculiarities of the Japanese type of communication with the gods during the rite of divination.

Keywords: The Nara period, divinatory practices, Japanese myths, songs from “Man’yōshū”, communication with the gods

For citation: Ermakova, L.M. (2022), “Syntactics and pragmatics of Ancient Japanese divination”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 4, pp. 10–34, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-4-10-34

Исследования древнеяпонских гаданий в отечественном японоведении представлены крайне скудно¹, соответственно, основные концепции японской гадательной практики, ее магистральные тенденции и технологические подробности до сих пор не описаны. Мы предполагаем здесь в первом приближении наметить классификацию японских дивинаций по основному способу гадания, по сферам социума, где они применялись, а также по категории персонажей, к которой принадлежит гадающий.

Как вид коммуникации между богами и людьми японские гадания имеют много универсальных черт на самых разных уровнях этих процедур, но некоторые черты представляются автору если не совсем уж особенными, то, во всяком случае, довольно редкими. В конечном счете речь пойдет об особой роли гадания в японской культуре на протяжении ее истории от древности к современности, а также о некоторых аспектах сценариев японских гаданий, которые связаны с особенностями коммуникантов, о чем речь пойдет ниже.

Основные виды гадательной практики, как и многие другие культурные изобретения, пришли в Японию с материка, и там же, на материке, сохранились первые упоминания об этих практиках на Японских островах. В хронике «Хоу Хань шу» читаем: «Гадают, обжигая кости, определяют <тем самым> благополучие и неблагополучие» [Древняя Япония 2022, с. 217]. В «Летописаниях трех царств» («Саньго чжи») конца III в. в разделе царства Вэй помещены «Предания о народе во», «Вожэнь чжуань» или, по-японски, «Вадзиндэн». Согласно этой хронике, «по их обычаям, когда решают собраться в путешествие, то, как говорят, всегда нагревают на огне кости и гадают, определяя таким образом счастье и несчастье. Сначала объявляют, о чём гадают, этими словами как бы приказывающая черепаховому панцирю, затем смотрят на трещины, образованные огнём, и определяют <получившиеся> признаки» [Древняя Япония 2022, с. 237].

По данным археолога Кандзава Ю:ити, который проанализировал археологические находки с 34 мест раскопок, всего на данный момент обнаружено 158 предметов – костей различных животных и черепаховых панцирей, использовавшихся для гадания, в том числе 75 костей оленя, 21 – дикого кабана, 46 – дельфина, меньше всего черепаховых панцирей – всего 4 щитка черепахи *ака-умига-мэ*² [Когу 2015, р. 340].

¹ Пока готовилась эта публикация, вышло исследование [Войтишек, Агеян 2022].

² Гигантская «красная морская черепаха» *Caretta caretta*, «головастая морская черепаха», или каретта, длиной до 95 см и весом до 200 кг.

Примерно половина находок относится к периоду Яёи, т. е. ко времени между III в. до н. э. и 250 г. н. э., еще 17 вещей – к периоду Кофун, т. е. эпохе курганов (III–VI вв. н. э.) и 47 предметов – уже не к археологическому, а к историческому периоду Нара, т. е. к VIII в. (Kory 2015, pp. 340–341). Мы видим, что для археологического периода большая часть зафиксированных случаев приходится на гадание на раскаленной лопатке оленя, т. е. на пироскапулимантию, причем обожженные олени лопатки были найдены в 24 местах раскопок из 36, откуда следует, что этот тип гадания был распространен практически по всей территории тогдашней Японии.

Сюжеты, записанные в VIII в. в двух мифологических сводах – «Кодзики» («Записи древних деяний») и «Нихон сёки» («Анналы Японии»), а также в первой поэтической антологии «Манъё:сю» («Собрание мириад листьев»), содержат свидетельства о разнообразных гадательных практиках, которые в целом можно разделить на государственные (официальные) и частные (тут стоит оговориться, что известные нам данные о частных случаях относятся не к так называемым народным слоям, а к людям, так или иначе причастным ко двору и составляющим всего несколько процентов населения).

Ритуалы гадания на самом высоком уровне – богов и императоров – предпринимались в самых мифологически значимых и критических ситуациях эпохи первотворения. Здесь, как нам кажется, мы можем констатировать первую важнейшую особенность гаданий в японской культуре, поскольку три самых первых случая гадания предстают как источник основных мироустроительных мифов. Это 1) порождение парой первопредков самой земли, богов и всего живого, 2) миф о сокрытии богини солнца в небесной пещере и извлечении ее оттуда после наступления мрака, 3) сходжение на землю внука богини солнца – мифологического предка императорского рода.

Итак, если отсчитывать от момента разделения неба и земли, т. е. от мифологического начала времен, то первый случай гадания фиксируется и в «Кодзики», и в «Нихон сёки»: божественные сиблинги, Идзанаки и Идзанами, погрузили в море драгоценное копье, с него упала капля, и сам по себе образовался остров. Они ступили на этот остров, соединились друг с другом, но первое дитя, которое у них родилось, был ребенок-пиявка. Слово «пиявка» здесь передает форму рожденного первенца, т. е. он был лишен рук и ног и, возможно, лица. Идзанаки и Идзанами положили его тогда в тростниковый челн и пустили плыть по воде. Оказавшись в затруднении и не понимая, что делать дальше и как рождать мир, Идзанаки и Идзанами обратились к небесным богам. Имен-

но тогда первое, что предприняли боги, это было гадание: они стали «гадать гаданием *футомани*», что переводится как «гадание грузное» или «веское», «великое» и т. п., так именовалось тогда гадание по лопатке оленя. По результатам гадания небесные боги объяснили первопаре их ошибку в ритуале перед брачным соединением, а затем провели еще один сеанс гадания, чтобы определить час и день, когда первопаре надлежит вернуться на землю, вернее, на тот самый первый, «самовозникший» из капли воды островок.

Во многом сходный сюжет с рождением тератоморфного первенца, судя по данным Ю.Е. Березкина³, встречается у этнических групп мяо и яо в Китае, в Восточной Сибири, на островах Рюкю и т. д. и восходит, по-видимому, к мифу о потопе, когда спасаются только брат и сестра, и их последующий брак представляет собой инцест.

Японская версия этого мифа имеет ряд особенностей (подробнее см. [Ермакова 2020, с. 92–94]). Здесь мы подчеркнем одну из них: из всех типологически сходных случаев японский – единственный, когда вопрошаемые верховные божества не могут дать ответ сразу, а должны сначала провести ритуал гадания, чтобы по его результатам узнать, какой «правильный» ритуал надлежит провести в данном затруднительном случае, т. е. с помощью гадания они обращаются к некоей еще более информированной инстанции. Надо думать, это прежде всего свидетельство распространенности и повышенного значения процедуры гадания в японском социуме или социумах VIII в. – т. е. как раз времени кодификации мифов в «Записях древних деяний» и «Анналах Японии». При этом останется загадкой, что это может быть за инстанция, к которой обращаются с гаданием боги Равнины Высокого Неба, казалось бы, сами эту высшую инстанцию представляющие.

Если следовать хронологии согласно космологическому сценарию, то следующим по времени событием «эпохи богов», когда ритуал гадания оказался востребован и необходим, был миф, отраженный в «Кодзики». Этот миф относится ко времени уже после благополучного рождения/сотворения первопарой земли и элементов ее ландшафта, а также множества богов, в том числе богини солнца Аматэрасу, а одновременно с ней богов луны и ветра.

В «Кодзики», «Записях древних деяний», этот гадательный ритуал приходится на один из центральных сюжетов японской

³ Березкин Ю.Е., Дувакин Е.Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: Аналитический каталог // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения 20 февр. 2022).

мифологии – о сокрытии богини солнца Аматэрасу в Небесной пещере, после чего на земле наступил полный мрак. «Тогда восемьсот мириад богов собралось-сошлось у Амэ-но-ясу-но кава – Небесной Спокойной Реки <...> собрали долгопоющих птиц, добыли небесную крепкую скалу, <...> призвали Амэ-но-коянэ-но микото и Футотама-но микото, чтобы они у оленя-самца с небесной горы Кагуяма вывернули лопатку, взяли небесное дерево Хахака⁴ с небесной горы Кагуяма и исполнили гадание»⁵.

Третий случай древнейшего гадания – тоже стержневое событие в японской мифологии, да и в японской культуре в целом: это сюжет об отправке на землю внука Аматэрасу, мифического первопредка императорского рода. В «Нихон сёки», «Анналах Японии», поводом для «грузного гадания» по лопатке оленя в этом сюжете становится подготовка земли – ее пацификация и устройство перед отправкой с неба внука Аматэрасу, Ниниги-но микото. Тогда же происходит распределение профессий между богами-прародителями разных родов, в частности, бог Футотама-но микото получает привилегию замещать и представлять в ритуалах императорского первопредка Ниниги, а бог Амэ-но Коянэ – совершать «грузное гадание».

Итак, цели самых первых гаданий суть следующие: 1) узнать правильный способ порождения богов, земли и вообще всего живого; 2) узнать, как вернуть на землю свет, т. е. вернуть на землю божество солнца, когда оно сокрылось в пещере; 3) узнать, как провести усмирение и благоустройство земли перед отправкой туда мифического первопредка императорского клана.

Ритуал гадания был внедрен в основные космогонические и мироустроительные японские мифы. Здесь вспоминается концепция культурантрополога В.Н. Романова, утверждавшего, что Индия – это, по преимуществу, культура жертвоприношения, а Китай – культура гадания [Романов 1991]. Вышеприведенные примеры свидетельствуют о повышенном значении дивинации и в Японии, дочерней культуре Китая.

Гадание по конкретным государственным надобностям неоднократно встречается не только в мифической части обоих сводов,

⁴ Дерево хахака *Padus grayana*, *Prunus grayana*, совр. увамидзудзакура, дерево высотой до 10–15 м, на вид что-то среднее между сакурой и черемухой. Современное название этого дерева тоже связано с гаданием, слово *мидзу* /*мидзо*, входящее в состав этого длинного названия, – это углубления, канавки, которые вырезали в палочках и дощечках, служивших топливом, чтобы раскалить кости в обряде гадания.

⁵ Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1: Мифы / Пер. и коммент. Е.М. Пинус. СПб.: Шар, 1994. С. 56–57.

но и в повествованиях о легендарных императорах в более поздних свитках, отражающих те времена, когда собрание мифов начинает переходить в состояние летописного исторического нарратива. На этом этапе японские гадания во многом сродни китайским образцам, откуда они были первоначально взяты. В работе В.М. Крюкова «Ритуальная коммуникация в древнем Китае» приводятся примеры вопросительных надписей на гадательных костях иньского периода: «Подарить две связки раковин? В первом месяце?» Или «подарить много женщин и связки раковин?» [Крюков 2012, с. 105]. В «Анналах Японии», в разделе об императоре Суйнин, читаем примерно то же самое: «...управе по ритуалам было отдано распоряжение гадать – надо ли подносить оружие как приношение богам, и вышло, что это будет благоприятно. Тогда в храмы всех богов поместили луки, стрелы и мечи»⁶. В другом фрагменте памятника – в жизнеописании императора Судзин: «Вот, стали гадать, назначить ли Икагасиково, предка Моно-но бэ-но мурази, распределять подношения богам, и вышло, что это будет во благо. А еще гадали, совершать ли заодно ритуалы в честь других богов, и вышло, что это будет неблагоприятно»⁷. В других случаях в гадании открывается, кого назначить жрецом для отправления обрядов перед тем или иным божеством, как назвать рисовое поле, увенчается ли успехом задуманное императором предприятие, служить ли обряды перед богами прямо сейчас или отложить, и т. д. И во всех описанных выше ситуациях из мифологических сводов речь идет о гадании на лопатке оленя, гадание же на раскаленном панцире черепахи не упоминается в сводах ни разу.

Надо, однако, сказать, что, судя по сюжетам, собранным в мифологических сводах, гадание на кости оленя было тогда далеко не единственным видом дивинации.

В обоих сводах часто встречается способ, не требующий никакого инструмента и реквизита. Он называется *укэи* – это слово переводится как «клятва/заклятие/обет». Ответ на *укэи*, видимо, возможен был только в форме «да» или «нет». В «Анналах Японии» понятие *укэи* встречается 36 раз, да и в «Кодзики» 8 раз, хотя «Кодзики» в десяток раз меньше «Нихон сёки» по объему. В самом деле, в ряде случаев это клятва, некое официально провозглашаемое обязательство – например, Идзанаки объявляет разрыв супружеских связей с Идзанами, оказавшейся в стране мертвых, и это тоже называется в «Нихон сёки» клятвой *укэи*. Но еще чаще *укэи* явно становится инструментом гадания. Его форма – это открытое

⁶ Нихон сёки: Анналы Японии: В 2 т. / Пер. со старояп. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. СПб.: Гиперион, 1997. Т. 1. С. 228.

⁷ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 1. С. 209.

предложение высшим силам сделать выбор из двух возможностей одного события.

Обеты *укэи* как обряд гадания в обоих сводах впервые провозглашают друг перед другом богиня солнца Аматэрасу и неистовый бог ветра Сусаноо. Аматэрасу не доверяет своему неистовому брату, богу ветра, он же уверяет, что его намерения чисты, и предлагает обменяться обетами *укэи*. «Тут богиня Солнца, обратившись лицом к Сусаноо-но микото, произнесла клятву-обет, сказав: “Если сердце у тебя светлое-чистое и ты не собираешься отнять <у меня Равнину Неба>, то дети, которые от тебя родятся, будут мужского пола”»⁸.

В «Кодзики» есть и интересный случай, так сказать, экспертизы по установлению отцовства с помощью обета *укэи*. Речь идет об отцовстве превопредка императора, спустившегося с неба Ниниги-но микото. Этот эпизод разворачивается следующим образом: «И вот, спустя время, Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ пришла и сказала: “Я затяжелела! И сейчас пришло мне время родить. Не должно это дитя небесных богов быть рождено тайно. Потому тебе <об этом> сообщаю”, – так сказала. Тогда <бог Амацухико-хихохо-но-ниниги> сказал: “Сакуя-бимэ за одну ночь затяжелела. Это дитя не мое. Наверное, <это> дитя земного бога”, – так сказал.

Тогда <Ко-но-хана-но-сакуя-бимэ> сказала в ответ: “Если дитя, которым я тяжела, – это дитя земного бога, не рожу благополучно. Если <это> дитя небесных богов, рожу благополучно”, – так сказав, тут же просторные покои без дверей возвела, внутрь тех покоев вошла, глиной <их изнутри> замазала, а когда пришло время родить, те покои огнем запалила и родила.

Потому имя того дитяти, что рождено было, когда тот огонь вовсю пылал, – Ходэри-но микото – Бог-Светящий Огонь»⁹.

По-видимому, не только по случаю гадания на лопатке оленя, но и при произнесении загадывания-обетования *укэи* тоже имелось в виду взаимодействие с некими невидимыми силами и невидимыми божествами. Вот, например, один из сюжетов, связанный с императором Кэйко:. Он намеревался завоевать землю, на которой жили люди племени цутикумо («земляные пауки»), – это племя оказало сопротивление той группе переселенцев с материка, которая одержала верх над остальными племенами и подчинила их своему правлению, начав формирование японского государства. Соответствующий фрагмент «Нихон сёки» гласит: «Государь, собираясь напасть на врага, с самого начала поселился в Ооно, в Касивао. Там в поле был камень. Длина его была 6 сака,

⁸ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 1. С. 132.

⁹ Кодзики: Записи о деяниях древности. Свиток 1. С. 89.

ширина – 3 сака, высота – 1 сака 5 ки (параметры камня, таким образом, примерно таковы: длина около двух метров, ширина около метра, высота почти полметра. – Л. Е.). И государь принес обет *укэи*, сказав: “Если суждено мне уничтожить цутикумо, то пусть, когда я сейчас ступлю на этот камень, он взлетит подобно листу дуба касива”. Вот, ступил он на камень, и камень тут же взлетел в небо, как <лист> дуба касива. <...> А боги, которым государь молился в это время, были три божества – бог местности Сига, бог <рода> Моно-но бэ из Наори и бог <рода> Накатоми из Наори»¹⁰. Благодаря этим божествам результат обетования носит неслучайный характер, они выступают как гаранты того, что полученному результату можно доверять как имеющему профетическую силу.

Характерная для японских богов деталь – все три божества, которым при объявлении обета молился император Кэйко, безымянны, лишены каких-либо признаков и безатрибутны, они обозначаются с помощью топонимов: одно божество имеет отношение к местности Сига, два других – божества двух родов, причем не всего рода, а определенной ветви каждого из родов, а именно – живущей в местности Натори. Таким образом, здесь для указания на конкретное божество тоже использована отсылка к конкретному топониму, дан, так сказать, топонимический дейксис.

Гадание перед битвой с применением обета *укэи*, видимо, было распространенной практикой. Например, император Дзимму перед наступлением на врага с целью завладеть его территорией загадывает: «Сейчас я погружу священный кувшин с сакэ в реку Ниу-но кава. Если рыбы, большие ли, малые ли – все равно, охмелев, по реке поплывут подобно тому, как плавают листья дерева маки, то я непременно овладею этой страной. Если же не поплывут, то, значит, ничего из этого не получится»¹¹.

Такое двоичное противопоставление типа «да – нет», надо думать, – один из древнейших инструментов рассуждения; как писал Вяч.Вс. Иванов в книге «Чет и нечет», в китайской культуре само деление явлений на две полярно противоположные группы – ян и инь – было связано с необходимостью при гаданиях относить каждое событие к одной из двух категорий – благоприятной или неблагоприятной [Иванов 1978, с. 89]. Отметим, кстати, немаловажный момент: далее он говорит о том, что с кибернетической точки зрения при нехватке времени и данных для выбора стратегии разумно принять наудачу первое попавшееся решение, что и объясняет высокую роль таких гаданий в древних коллективах [Иванов 1978, с. 13].

¹⁰ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 1. С. 239.

¹¹ Там же. С. 185.

Помимо скапулимантии и загадывания *укэи* в мифологических сводах мы видим в ранних памятниках еще один очевидный и универсальный способ гадания – это гадание по снам. Например, император Судзин таким образом решает вопрос о выборе престолонаследника. Он велит двум своим сыновьям пройти обряд очищения и лечь спать, а наутро после обряда очищения рассказать ему привидевшийся им сон. По свидетельству одного, он увидел во сне, что взобрался на священную гору и восемь раз¹² сделал выпад мечом в сторону востока, а второму приснилось, что он на той же горе натянул веревку по четырем сторонам и разогнал воробьев, клевавших там просо. Далее оказывается, что одних этих снов императору все же недостаточно – выслушав рассказы сыновей, император проводит гадание на костях животных, чтобы узнать смысл этих снов и рекомендации к действию. В результате гадания первый стал правителем только восточной стороны, а второй унаследовал отцовский престол¹³.

Во втором свитке «Кодзики» важный сон видит император Суйнин, но и этот правитель не решается считать сон однозначно надежным источником информации, и тогда, по его распоряжению, его спутник производит, так сказать, контрольное гадание с помощью нескольких обетов: «...если этот сон – правда, то пусть цапля, живущая на дереве у пруда Сагису, упадет». Сказал он это, и цапля упала на землю замертво. Тогда сказал он: «Оживай, согласно обету», и она снова ожила. А еще по обету он заставил увянуть широколистый дуб, росший на краю Амакаси, и снова обетом его оживил¹⁴.

Из всех приведенных выше разнородных примеров явствует, что в текстах обоих сводов мы встречаем немало сцен гадания на лопатке оленя, а также случаев возглашения обета *укэи*, а пластромантия – гадание по раскаленному панцирю черепахи – не упоминается ни разу. И кажется тем более неожиданным, что, судя по последующим летописям, к концу VIII в. и к началу периода Хэйан (794–1185) именно пластромантия постепенно начинает занимать не меньшее место и вскоре, судя по последующим летописям, становится доминирующей.

Пироостеомантия при этом не исчезает полностью – так, в «Комментариях к кодексу Ё:ро:рё:» («Рё:но сю:гэ») говорится

¹² Несчетное число раз, поскольку восемь – магическое число в японской культуре.

¹³ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 1. С. 215–216.

¹⁴ Кодзики: Записи о деяниях древности. Свитки 2-й и 3-й / Пер., предисл. и коммент. Л.М. Ермаковой, А.Н. Мещерякова. СПб.: Шар, 1994. Свиток 2-й / Пер. Л.М. Ермаковой. С. 64–65.

о гадании на костях двух быков и лошади. Но все же гадания на государственном уровне скоро начинают проводить преимущественно на панцире черепахи. Кроме этого, как в Китае, проводятся гадания на стеблях тысячелистника, после чего числовые результаты толкуются как триграммы «Ицзин». В летописи «Сёку нихонги» (797 г.), следующей после «Нихон сёки», гадание по черепахе встречается уже многократно, при этом в двух случаях указано, что гадание производилось одновременно и по панцирю черепахи, и с помощью гадательных палочек, сделанных чаще всего из тысячелистника (в соответствии с триграммами «Ицзин»). Такое двойное гадание называлось кидзэй, «черепаха-тысячелистник».

Интересно, что в летописи 840 г. «Последующие анналы Японии» («Нихон ко:ки») приводится один из таких случаев, когда гадание при дворе проводилось одновременно двумя способами: гадатель палаты Омме:до:, т. е. Пути Инь-ян, гадал на стеблях тысячелистника, а гадатель Урабэ – по панцирю черепахи. Но вышел казус – результаты гадания и соответствующие им рекомендации у этих двоих оказались прямо противоположными. Было принято решение последовать гаданию на тысячелистнике, однако прогнозы гадания по «Ицзин» не оправдались, а поскольку необходимые меры не были приняты, бедствие, которого опасались, случилось. С тех пор, судя по данным памятников последующих эпох, если одновременно проводились оба типа гадания и они расходились в результатах, то предпочтение отдавалось результатам пластромантии [Асаока 2017, с. 65].

В 833 г. в кодексе «Рё-но гигэ» («Разъяснения принципов Уложения Тайхо: рицурё:») гадание на щитке черепахи провозглашается стандартной гадательной практикой, а исполнителями ее называются представители рода Урабэ («род/корпорация гадателей»).

Переход от костей животных к пластрону черепахи в гадательном обряде объясняют по-разному: одно из объяснений – гадание на костях было более или менее доступно, а черепаху добыть возможно было не везде, и это повышало статус гадательного инструмента и самого обряда. Еще одно объяснение, наиболее распространенное в японских исторических работах, связано с перипетиями политической ситуации при дворе и, как результат, внезапным возвышением рода гадателей Урабэ.

Члены этого рода занимались не только гаданием: как свидетельствуют исторические памятники, они, кроме того, играли важную роль в государственном обряде Великого очищения, а также в Ритуале усмирения огня, Ритуале усмирения души и др. [Асаока 2017, с. 46]. В этих ритуалах они делили функции с родом верховных жрецов Накатоми. Кстати, Урабэ и Накатоми – родственники, в текстах указывается, что у них общий мифологический предок –

бог Амэ-но коянэ-но микото (см. упоминавшийся миф о сокрытии Аматэрасу в небесной пещере, где богу Амэ-но коянэ было поручено добыть лопатку оленя и провести гадание, потом, в сюжете о схождении на землю Ниниги-но микото, «грузное гадание» стало его официально утвержденной профессией).

Сейчас мы хотим обратиться к еще одному памятнику японской письменности, который пока не попадал в сферу внимания отечественных исследователей. В Японии, надо сказать, тоже еще не существует современного комментированного издания этого китайязычного текста. Речь идет о летописи «Синсэн кисо:ки» («Новый изборонок гадания по черепахе») – она устанавливает происхождение рода Урабэ от небесных богов и легитимизирует его роль и функции гадалелей. Авторство текста по колофону принадлежит выходцу из рода Урабэ по имени Урабэ Тоёцугу, далее из текста выясняется, что в составлении участвовали еще двое придворных из рода Урабэ и три чиновника из других родов.

В самой летописи сказано, что текст был поднесен императору Дзюнна в 11-й день 8-го месяца 6-го года Тэнтё, т. е. в 830 г. Первоначально текст состоял из четырех свитков, сохранились только первый свиток, содержащий по преимуществу мифологическую историю, рассказанную с точки зрения и в интересах рода Урабэ, а также названия трех утраченных: второй свиток содержал толкования «знаков земли», третий – «знаков неба», четвертый – «три гексаграммы предсказаний богов и людей». Разумеется, текст этот был секретом цеха гадалелей и распространению не подлежал.

Уцелевший первый свиток дошел до нас в 14 списках, однако даже самый старый список первого тома не очень стар – он относится к 1620 г. Есть, конечно, опасение, что памятник был создан позже, чем в 830 г., но этот текст находится вполне в русле ранне-средневековых летописей разных родов, с соответствующими изменениями воспроизводивших предания рода и конструирующих свою мифологическую историю – таковы «Кого сю:и» («Собрание смыслов старых речений» – история рода священнослужителей Имибэ), или «Такахаси удзибуми» («Записи рода Такахаси» – история рода стольников Такахаси, восходящего к легендарному предку Ивака Муцукари), или «Сумиёси тайся синдайки» («Записи о великом святилище Сумиёси в эпоху богов» – летопись рода Цумори, стражей гавани Осака, служителей великого святилища Сумиёси).

В нарративах летописи Урабэ представлена не только история этого рода, но и ряд мифов «эпохи богов» в вариантах, отличных от записанных в «Кодзики» и «Нихон сёки». Подробно изложен миф об изгнании Сусаноо с Равнины Высокого неба, поскольку именно прегрешения Сусаноо послужили источником формирования

ритуала Великого изгнания скверны (Великого очищения). Представлены и другие мифологические сюжеты, имеющие отношение к обрядам, в которых принимали участие сами Урабэ.

В сохранившемся первом свитке этой летописи от рода Урабэ первая же фраза гласит: «Гадание по черепахе берет свое начало в высоком небе» – или, как принято читать китайские иероглифы «высокое небо» по-японски, «на Равнине Высокого Неба (Такама-но хара)». Происхождение гаданий по черепахе связывается в тексте с божеством Амэ-но кояна, богом-предком рода Урабэ.

Один из смысловых центров этого «Нового изборока гадания по черепахе» – сюжет, который в обоих сводах отсутствует, представлен только в летописи Урабэ, и суть его формулируется там как «обет/клятва черепахи». Этот обет произносится при следующих обстоятельствах: перед тем, как Ниниги-но микото, внук Аматэрасу, по ее повелению спустился с неба для управления Японией, встал вопрос о том, кто будет распоряжаться его священной трапезой. Под священной трапезой, по-видимому, имеется в виду не столько ежедневная кухня и столовая императора, сколько главный ритуал – считается, что во время тайной части ритуала вступления на трон император подносит Аматэрасу рис первого урожая.

Важное звено этого обряда – гадание с целью определить, из каких двух местностей страны надлежит взять этот рис первого урожая.

Итак, этот фрагмент летописи гласит: «Сейчас будет вкратце поведано о клятве черепахи. Царственные божественные предки, он и она (имеются в виду, видимо, Аматэрасу и Таками-мусуби) изгнали буйных божеств и заставили умолкнуть деревья на скалах и листья трав. И тогда было речено перед всеми божествами: “Пусть господин наш царственный внук правит страной богатой камышовой Равнины и пышного колоса”. И вот, когда стали его отпрашивать вниз на землю, [Аматэрасу] спросила: “Кто из богов послужит царственному внуку при утренней трапезе, при вечерней трапезе, при долгой трапезе, при вечной трапезе?” Стали спрашивать тех богов, которые должны были служить, и тут появился белый олень-самец, живущий на священной горе Кагуяма, и говорит: “Я послужу вам. Возьмите мою лопатку, раскалите и вопрошайте”. Стали вопрошать, однако огонь солгал. И тут явилось божество Футонорито-но микото, божество грузных слов», – здесь средневековый переписчик вписывает мелкими знаками, что это богиня черепаха-дева, живущая в пруду Амэ-но кагу. Божество это произносит цветистую речь, насыщенную мифологическими сюжетами, но я приведу только деловую часть: «Белому оленю ведомы дела верхней страны. Но откуда ему знать дела, что под землей? Я же хорошо знаю и про верхние земли, и про нижние,

и про небесных богов, и про земных. Что и говорить, известны мне все затруднения и огорчения человеческие. <...> Возьмите мою кость с восемью перекрестиями (панцирь), на солнце высушите, топором обтешите, небесным тысячекратным расщеплением тысячекратно расщепите, переднюю и заднюю часть панциря сделайте гладкой, как светлое зеркало. Затем небесным клинком прорежьте клетки мати и высекайте небесный огонь трением, срубив дерево фумори на Небесной горе Кагуяма, потом возьмите дерево хахака и раскаляйте панцирь в его пламени от небесного огня...»¹⁵.

Этот сюжет, по-видимому, служит мифологическим объяснением выбора в пользу гадания на черепаховом пластроне, одновременно в нем постулируется роль и характер участия рода Урабэ в гадательном ритуале, а также даются различные технические указания.

Примечательно, что при гадании на лопатке оленя сетки не наносятся, а техника гадания на черепаховой пластине предполагает ее непременно нанесение, причем в древности пластину, как предписано в «Новом изборнике», делали прямоугольной, а в эпоху Эдо она приобрела форму фишки для игры в сёги.

По-видимому, упомянутые в клятве черепахи клетки мати – одно из нововведений, привнесенных японцами в китайскую систему гаданий по панцирю черепахи. Напомню, что эпоха Инь-Шан – это период с XV по XI в. до н. э., т. е. до начала японской практики пластромантии проходит более двух тысяч лет, так что модификации и упрощения разного рода очевидны и естественны. К тому времени совершенно видоизменились и сами иероглифы – иньские еще очень пиктографичны и похожи на изображения самого предмета.

Надо сказать, что иньские надписи предоставляют нам более или менее подробную информацию о характере гаданий. Как пишет М.В. Крюков в работе «Язык иньских надписей», «цель гадания заключалась в том, чтобы по характеру двух трещин (вертикальной и боковой), образовавшихся на поверхности кости или щитка после прожигания раскаленным острием, получить ответ на вопрос, заданный божеству. В своем наиболее полном варианте гадательная надпись состоит из четырех частей: а) первая часть содержит дату гадания, обозначенную сочетанием циклических знаков, и имя гадателя (в поздних надписях – место гадания); б) вторая

¹⁵ Кодай удзибумисю:. Сумиёси тайся синдайки, Кого сю:и, Синсэн киси:ки, Такахаси удзибуми, Хата-си хонкэйтё: [Собрание записей родов древности. Записи великого святилища Сумиёси. Собрание смыслов старых речений. Новый изборник гадания по черепахе. Свод записей подлинной генеалогии рода Хата]. Токио: Ямакава сюппанся, 2012. С. 221.

часть фиксирует содержание вопроса; в) третья – результат гадания, т. е. ответ на поставленный вопрос; г) четвертая – отметку о том, сбылось ли предсказание. После этого рядом с соответствующей трещиной делалась запись, фиксировавшая вопрос и ответ на него» [Крюков 1972, с. 13–14]. По М.В. Крюкову, вопрос иногда состоял из многих иероглифов, кроме того, бывало, что гадание проводилось многократно – до получения желаемого ответа, с прибавлением подносимых даров с каждым новым предприняемым сеансом гадания; однажды таких сеансов было произведено восемнадцать, но желаемый ответ был получен.

Японская техника гаданий, разумеется, во многом наследовала китайской, но у нее есть свои отличия. Как предписано в «Новом сборнике гадания по черепахе», после получения гладкой пластинки из панциря черепахи и тщательной ее шлифовки, острым инструментом, похожим на долото или шило, прорезали прямоугольный граф «мати» (卍), внутри него небольшим ножом изображали граф с прямыми углами. В китайском случае использовался знак 卂, т. е. сочетание вертикальной и боковой трещин, что, по-видимому, и представляло собой прообраз иероглифа «гадание» – 卜, 占. Японский же граф 卍 – содержал не одно, а два боковых ответвления, расположенных на разных уровнях: верхнее шло влево, нижнее – вправо.

Затем, как описано еще в «Кодзики» и воспроизведено в «Новом сборнике гадания по черепахе», поджигали чурку дерева хахака и раскаляли пластину, водя по графу в определенном порядке, произнося при этом магическую формулу загадочного содержания: сначала вели вниз и говорили «то», потом вверх и говорили «хо», потом от центра влево – при этом надо было говорить слово «ками», потом от центра «вправо» и говорили «эми», потом к этим четырем присоединилось еще не менее загадочное слово «тамэ». Целиком эта магическая формула представляет собой выражение «то хо ками эми тамэ» – толкований у нее много, но пока она остается загадкой. Такая процедура нагревания пластины повторяется несколько раз. Если появляются трещины, их для охлаждения немедленно поливают водой из бамбуковой трубки (самаситакэ), вода также должна быть принесена из специально выбранного источника. Охлажденная трещина проявляется и закрепляется в таком же виде, и ее уже можно толковать¹⁶.

¹⁶ Более или менее подробное описание техники, древних прецедентов и способов толкования трещин на панцире дано в работе Бан Нобутомо 1844 г. «Сэйбокуко:» («Размышления об истинном гадании») (Бан Нобутомо дзэнсю: [Полное собрание сочинений Бан Нобутомо]. Т. 2. Токио: Пэрикан-ся, 1977. С. 441–557).

Нельзя не сказать о том, что последний раз ритуал гадания на панцире черепахи на государственном уровне с соблюдением всех вышеперечисленных подробностей, включая добывание огня трением и использование дерева хахака, проводился в 2019 г., при восшествии на престол нынешнего императора Нарухито.

Помимо «Нового изборника гадания по черепахе» сохранилось еще несколько текстов, относящихся к этому типу гадания, по большей части это тайные предания, в них также передаются некоторые мифологические сюжеты и открываются отдельные подробности технологии гаданий. Прежде всего это «Устное предание о тайных делах хозяина святилища» («Миядзи хидзи кудэн») ¹⁷, где оборот «хозяин святилища», согласно законам Рицурё, обозначает главу клана гадателей Урабэ.

Из подобных текстов мы узнаем, что один из важнейших в году и сокровенных ритуалов гадания по черепахе – это Ооми-но миура, ритуал гадания о Великом священном теле. Священное тело – это прежде всего тело императора, состояние которого непосредственно влияет на ситуацию в Поднебесной и, соответственно, на будущее страны в ближайшие полгода (соответственно, этот ритуал проводился дважды в год, в шестую и двенадцатую луну). В первый день возносились мольбы Футо-норито-но kami (другое имя Амэ-но коянэ) и Кусимати-микото (это имя больше нигде не встречается). Далее, со 2-го по 9-й день проводились гадания, на 10-й день результаты подносились правителю. Видимо, первый случай этого ритуала состоялся в первой половине VII в. при императоре Ко:току.

Эти гадания в течение недели должны были дать ответ на десять вопросов. Понятно, что для получения информации по столь многим пунктам требуется много черепах, и в уложении начала X в. «Энгисики» сказано, что ко двору поставляли 50 штук в год. Сами же вопросы в ритуале Ооми-но миура были следующие: во-первых, будет ли *татары*, т. е. вред, злокозненные действия императора от бога Доко:син, иначе Докусин ¹⁸. Затем запрашивалось, будет

¹⁷ Этот текст середины XIV в. – хроника рода Урабэ, содержащая детали гадательной техники, которые, по-видимому, ранее передавались в устной традиции внутри рода. В тексте упоминается и цитируется «Новый изборник гадания по черепахе». Сам этот текст доступен в работе Ясуи Кадзунори «Исследования по теории синтоистских ритуалов» («Синто: сайси ронко:») в издании «Синто:си кэнкю: со:сё» («Записки по исследованиям истории синто») Общества по истории синто, 1979.

¹⁸ Это божество, пришедшее из даосской практики инь-ян и распоряджающееся землей. Притом оно мигрирует в зависимости от времени года – весной оно пребывает в земляном очаге, летом в воротах, осенью

ли вред от бога/богов воды/естественных пресных водоемов, что, надо думать, связано с гаданиями об урожае, затем – будет ли императору вред во время путешествий, вред во время принятия пищи, вред от котла, вред от Полярной звезды¹⁹, вред от духов (鬼氣), вред в повседневной жизни, вред, насланный богами ками 神, вред от духов²⁰ [Кокубу 2015, с. 100].

До сих пор речь шла о гаданиях, отраженных в мифологических сводах или в специальных текстах, посвященных дивинациям; далее же мы хотим обратиться к совсем другим разрядам гаданий, представленных в поэзии, т. е. в лирике «Маньё:сю»²¹. Песни «Маньё:сю» были записаны к концу того же VIII в., что и мифологические своды, но в них мы находим гадания частных лиц по частным поводам. Таких случаев в «Маньё:сю» оказалось около сорока, и в большинстве случаев их цель – это прогнозы относительно того, как будут развиваться любовные отношения, а также вопросы конкретные и срочные – можно ли отправиться к даме сердца сегодня вечером, стоит ли ждать сегодня возлюбленного и т. п.

Среди этих гаданий, впрочем, тоже есть отдельные случаи пиромантий, как гаданий на лопатке оленя, так и на щитке черепахи. Причем бывает, что эти гадания не просто отвечают на вопрос

в колодце, зимой в саду, соответственно, нельзя беспокоить землю в этих местах сообразно времени года.

¹⁹ Здесь может возникнуть вопрос, какой вред ожидается от Полярной звезды, но трудно говорить об этом со всей определенностью. Вообще у китайцев через нее проходит ось неба, хотя дело, видимо, не в этом, а в том, что Полярная звезда у китайцев под влиянием буддизма слилась с фигурой одного бодхисаттвы, и возник культ бодхисаттвы Мяо Цзянь-пуся. В VII в. этот культ принесли с собой в Японию иммигранты из корейских королевств Когурё и Пякче, и на островах сформировался культ Мё:кэн-босацу (так читаются те же иероглифы по-японски), и культ этот отождествился с китайским культом Полярной звезды. Одно время, в период Хэйан, этот бодхисаттва был под запретом из моральных соображений (предполагалось, что он предписывает распущенность в отношениях мужчин и женщин), кроме того, этот бодхисаттва считался богом войны, так что, возможно, речь шла о влиянии Полярной звезды на исход сражений.

²⁰ Здесь речь идет уже о других «духах», обозначенных не иероглифом 鬼, как выше, а 靈; видимо, в первом случае имелась в виду какая-то низшая демонология, мелкая нечисть, а во втором случае – действительно дух /душа /призрак.

²¹ Маньё:сю. («Собрание мириад листьев»): В 3 т. / Пер., коммент. и прил. А.Е. Глускиной. М.: Гл. ред. вост. лит., 1971–1972.

«да» или «нет», в них открывается и содержательная информация. Например, в песне № 3374 говорится: *Мусасину-ни Урабэ катаяки масатэ-ни мо норану кими-га на ура-ни дэникэри* («Стал гадатель раскалять лопатку оленя в Мусасино, и в его истинах открылось твое имя, которое я еще не называла никому») ²².

Сходное гадание отражено в песне № 109, которая была сложена принцем Оооцу, сыном императора Тэмму. Принц тайно навещал деву из рода Исикава, а придворный по имени Тоору из рода Цумори-но мурадзи, видимо специалист по дивинациям, провел сеанс гадания, и эта их связь стала явной. Песня гласит: *Оофунэ-но/ цумори га ура-ни/ нораму то ва/ канэтэ-о сиритэ/ вага футари нэси*. В этой танка содержится игра омонимов: имя Цумори содержит иероглиф цу со значением «гавань», поэтому первая строка стихотворения – «гавань для больших кораблей», где выражение «для больших кораблей» – постоянный эпитет макура-котаба к слову «гавань». Но это чистый поэтический жест, а понимать это надо как «человек из рода Цумори», и смысл этой танка таков: «Я заранее знал, что человек из рода Цумори в своем гадании все о нас откроет, но все же проводил с тобой ночи».

Скорее всего, остеомантия и пластромантия были сравнительно сложными техниками гадания, и чаще, чем они, в «Маньё:сю:» встречаются более доступные способы, не требующие услуг специалиста и основанные на подручных средствах.

Например, не требует никакого оборудования гадание по шагам – приведу танка № 3006: *Цукуё ёми/ кадо-ни идэтати/ аура ситэ/ юку токи саз я/ имо-ни авадзураму* («В ночь яркой луны выхожу за ворота и гадаю по шагам. Неужто и после этого, отправясь к тебе, с тобой не встречу?»).

Перевод выражения *аура, асиура* как «по шагам» условный, в тексте буквально говорится «по ногам», т. е. «гадание ногами». Впервые оно употребляется в свитке «эпохи богов» в «Нихон сёки», но этот фрагмент в тексте совершенно темен, и комментаторы затрудняются в его толковании.

Судя по более поздним текстам, у этого способа есть свои разновидности, например: выйдя за ворота, гадающий намечает некую цель и идет до нее. Самый простой способ – он шагает, произнося вслух слова *ёси-аси* («хороший-дурной»), и судьбу узнают по тому, какая нога – *ёси* или *аси* – первой коснется намеченного рубежа. Более сложный способ – это шагать, произнося слова пятистишия танка, и то слово, которое прозвучит при достижении цели, следует толковать как предвещающее судьбу. Есть также способ, состо-

²² Ради фольклористской точности песни «Маньё:сю:» далее привожу в своем прозаическом переводе.

ящий в том, чтобы подсчитать, счастливое (нечетное) или несчастливое число шагов отделяет человека от загаданной цели.

Еще один повсеместно доступный способ – это гадание по камням. В песне-плаче «Маньё:сю:» № 420 женщина, потерявшая возлюбленного, говорит: «Я пошла бы к нему – с посохом или без посоха, гадала бы вечерним гаданием и гаданием камнями». В лирике «Маньё:сю:» неоднократно встречаются упоминания сразу двух способов гадания – так называемое «вечернее» и еще какое-нибудь, что, по всей видимости, должно выражать высокую степень лирической эмоции. Гадание по камням упоминается в «Маньё:сю:» только один этот раз, но по более поздним описаниям мы знаем, как оно осуществлялось. Это тип гадания, отвечающий на вопрос: произойдет нечто или нет, предпринимать нечто или нет, это нечто завершится удачей или нет. Один из способов гадания – это взять камешек около святилища и бросить в сторону намеченной точки: если камень долетит до цели, то ответ будет «да», если упадет раньше, то «нет». Другой способ – поднять выбранный камень, загадав перед этим – тяжелым или легким он окажется, и т. п.

Вот еще один пример использования в одном поэтическом высказывании двух способов гадания: это танка № 736: *цукүё-ни ва / кадо-ни идэати / юкэ той / аси-ура-о дзо сэси / икамаку-о хори* («В ту ночь, когда луна была светла, я шел за ворота и гадал вечерним гаданием и гаданием шагами, желая отправиться к тебе»).

Гадание по камням и гадание по шагам в этих примерах, как мы видим, сочетаются с неким «вечерним гаданием», между тем именно последнее, судя по частоте встречаемости, представляет собой основной тип гадания, который упоминается в древней поэзии «Маньё:сю:». Оно там называется *юкэ*, вечернее гадание, это гадание у развилки дорог. Как известно, скрещение дорог обычно трактуется как проход в иной мир, и, соответственно, слова, произнесенные здесь, имеют особое происхождение и особую силу.

Один из конкретных способов гадания *юкэ* мы знаем по тексту более позднему – по произведению Хэйанского периода в жанре энциклопедии под названием «Внутри бамбуковых занавесей» («Рэнтю:сё:»)²³. Энциклопедия эта представляет сценарий гадания, т. е., собственно, эти сведения можно рассматривать как разновидность ритуального текста, который довольно легко развивается в мифологический нарратив.

²³ Существует предположение, что его автор, Фудзивара-но Сукэатака, предназначал свой труд для придворных дам, поскольку стиль его облегченный – в нем мало иероглифов и много слоговой азбуки хирагана.

В данном случае предписывается: 1) трижды произнести заклинательное пятистишие, обращенное к богу перекрестка; 2) разбросать по земле размоченный в воде рис; 3) трижды извлечь звук из гребешка, проведя по нему ногтем; 4) стать у перекрестка дорог и ловить случайно долетающие слова проходящих мимо людей. Эти слова – предсказание будущего, указание на способ выхода из затруднительной ситуации и т. п.

Заклинательное пятистишие, о котором идет речь, имеет несколько изводов, но все они сходны и довольно однозначны. Приведем один из них. Фудзивара Киёскэ в своем трактате «Фукуро-сози» помещает следующую танка: *Фунато саз юукэ-но ками-ни моно товаба митиюку хито ё ура маса ни сэё* («Бог развилки дорог, когда я вопрошаю бога вечернего гадания, пусть то, что говорят идущие, будет истинным» [перевод наш. – Л. Е.]).

В таком типе гадания иногда могла открыться довольно обширная информация, например, в *тё:ка* («длинной песне» Манъё:сю:) № 3318 содержание гадания излагается следующим образом: «Ведь возлюбленный сказал тебе, что он отправился по волнам искать для тебя белый жемчуг, вот найдет и вернется, самое долгое – за семь дней, самое короткое – за два дня, так что не надо так тревожиться».

Интересно, что в песнях «Манъё:сю:» разного времени мотив гадательной практики может уже послужить и чисто литературным средством, например в песне № 3812: «Хоть и прошу гадателей погадать мне у перекрестка, все равно нет никакой возможности, чтобы тебя увидеть». Или № 3811: «Тебе не надо молить богов, и пусть гадатели не жгут черепах, я и так страдаю от любви к тебе».

Хочу теперь сказать о том, что мне представляется примечательной чертой японских дивинаций как части космологического мировоззрения. Среди разных типов гаданий в мифологических сводах есть разряд с такой особенностью: сама инициатива коммуникации исходит не от человека, а от божества, и гадание осуществляется по сигналу божества, по его инициативе и в его интересах.

Дело в том, что боги древних японцев были в большинстве своем невидимы, безатрибутны и лишены постоянных функций и характеристик. Многие божества в мифологических сводах являются только как имена, нередко толкуемые приблизительно и с трудом, хотя иногда и красноречивые, вроде Бог-юноша морского прибойя или Бог-юноша рисового колоса, но и эти последние не обнаруживают соответствия своим именам ни в действиях, ни в нарративе, даже если он имеется. Исключения редки, они наблюдаются у некоторых ранних богов эпохи сотворения мира – вроде Аматаэрасу, Освещающей небо.

А в большинстве своем японские боги невидимы, способны делиться до бесконечности на разные локусы, объекты и святилища, они и связаны определенной местностью и в то же время могут передвигаться случайно и произвольно в любом направлении, вселяться в самые разные предметы, людей и т. п. Вопрос об их облике просто лишен смысла: изображения богов не были запрещены, они просто не существовали²⁴. Точно так же они в основном этически нейтральны: не бывают злыми или добрыми. Видимо, так оно было на протяжении практически всей известной нам японской культурной истории – как сформулировал франко-американский исследователь Бернар Фор, японских богов трудно воспринимать как статические проекции человеческих представлений, общества, культуры и прочее, они, скорее, представляют собой некие нестабильные совокупности и напоминают постоянно изменяющиеся узлы в постоянно изменяющейся сети [Faure 2015].

Получается, что этим богам, которые не могут себя явить перед людьми, приходится искать способы обнаружить себя и сообщить о своих пожеланиях. Судя по мифологическим сводам, таких способов по меньшей мере три: 1) с помощью насланных снов, 2) путем вселения в кого-нибудь, чтобы через этого человека сообщить свои пожелания, при этом выбор человека никак не мотивирован, и 3) с помощью насылаемых бедствий давать людям знать о том, что в их отношениях с богами не все благополучно. Во всех трех случаях люди уточняют смысл полученных сигналов и определяют, как им теперь надлежит поступить, и делают они это с помощью гаданий.

Представляется, что эту ситуацию можно переформулировать таким образом: японские божества, вследствие своей невидимости и безатрибутности, вынуждены предпринимать различные действия, как правило вредоносные для людей, для того чтобы сигнализировать о необходимости немедленной коммуникации с ними. Таким способом они обнаруживают свое присутствие в данном месте (но не облик, конечно, за неимением оного).

Рассказы о том, как божество насылает несчастья, чтобы подать людям знак о себе и установить канал связи с ними, встречаются

²⁴ Любопытная метаморфоза в облике богов ками происходит несколько позже, когда пришедший на Острова буддизм начинает играть в культуре ведущую роль. В рамках буддийских заимствований в Японию приходят и некоторые реалии индуистской традиции. Под влиянием последней японские боги обретают тератоморфный облик, некоторые описываются как похожие на змей, у некоторых по шесть или восемь рук или по три лица синего цвета, а Аматаэрасу в некоторых текстах объявляется андрогином (см. [Ермакова 2022]).

в самых разных текстах раннего периода. Например, в «Хидзэн фудоки», «Описании нравов и обычаев земли Хидзэн», говорится о божестве, которое убивало половину всех проходящих через одну местность. Тогда провели гадание, и выяснилось, что таким образом некое божество давало понять, что один местный житель по имени Кадзэко должен построить святилище. Кадзэко поднял флаг, вознес моления, флаг полетел по воздуху, указал место будущего святилища, которое и воздвигли по этому случаю. Потом Кадзэко приснилось, что к нему подлетают части ткацкого станка, благодаря этому он понял, что это божество, избравшее Кадзэко как своего медиума, – женщина²⁵. Но ни об имени божества, ни о его облике мы так ничего и не узнаем, в данном случае информация сводится к тому, чего именно божество хочет от людей.

Можно, вероятно, сказать, что такие сигналы от богов – это приглашение/понуждение к сеансу коммуникации. Например, в мифологическом своде «Нихон сёки» («Анналы Японии») повествуется о том, как государева ладья без всякой причины вдруг останавливается посреди моря и ее невозможно стронуть с места. Выясняется, что дело в «сердце морского божества», которое таким образом сигнализирует, что требуется человеческая жертва²⁶. Другой случай – в стране свирепствует заразная болезнь, жертвой которой пали многие. Поняв эту ситуацию как сигнал от богов, император Судзин велит гадать: «Думалось ли, что в мой век <правления> неожиданно начнутся столь многие бедствия? Уж не в том ли дело, что при моем дворе благие меры не принимаются и боги Неба, боги Земли винят меня? Может быть, надо узнать о причине бедствий у священной черепахи?»²⁷.

Надо сказать, что здесь, скорее всего, речь идет не о гадании на раскаленном панцире черепахи, поскольку в сводах отражены только гадания на лопатке оленя. В данном случае, как полагают многие комментаторы «Нихон сёки», имеется в виду гадание как толкование узора на панцире. Эта техника также формировалась под китайским влиянием – в древнейшем китайском иероглифическом словаре-энциклопедии «Эръя» (III–II вв. до н. э.) говорится, что есть два основных слова для обозначения черепахи – это 神龜, бог-черепаха, и 靈龜 – дух/душа-черепаха, описывается и подчеркивается ее священность и магическая сила. Соответственно, узор на черепаховом панцире мог предсказать успех или неудачу в будущем, объяснить причину произошедшего в прошлом и т. д.

²⁵ Древние фудоки (Хитати, Харима, Бунго, Худзэн) / Пер., предисл. и коммент. К.А. Попова. М.: Наука, 1969. С. 131–132.

²⁶ Нихон сёки: Анналы Японии. Т. 1. С. 248.

²⁷ Там же. С. 208.

Сходные представления наблюдаем в древней Японии: в «длинной песне» «Мангё:сю» № 50 говорится, что «чудесная черепаха, несущая на спине письмена (фуми оэру), вещает о новой эпохе».

Как бы там ни было, в скапуломантии или в словах медиума бог открывает свое имя или даже без имени сам становится чем-то вроде ритуального оператора. Он указывает, что людям надлежит делать для него, где устроить его святилище, как проводить службы и какие возносить дары, т. е. гадание некоторым образом становится не просто способом черпать информацию о будущем, но и инструментом для проявления и опознания божества.

В принципе, в различных культурах часто именно ритуал прежде всего придает божеству некоторую его сущность, в ритуале бог может обрести характерные черты или даже полноценную индивидуальность. В мире же японских мифических нарративов эту роль часто играет именно ритуал гадания. Этот ритуал обычно предшествует другим важным обрядам, и с его помощью иногда можно узнать имя божества и/или выяснить его пожелания и повеления людям. Поскольку у богов kami нет конкретного характера и постоянных функций, а у многих нет и имени, люди сами не могут строить предположения на их счет. Поэтому дивинация в ряде случаев становится не только инструментом, позволяющим узнать будущее и составить план практических действий, но и специфической формой коммуникации с богами, предпринятой по инициативе самих этих богов.

Литература

- Асаока 2017 – Асаока Э. Кодай урабэ-си-но кэнкю: «Синсэн кисо:ки»-кара миру сайси сидзоку кэйфу [Исследование древнего рода Урабэ: генеалогия рода распорядителей обряда с точки зрения «Нового сборника гадания по черепахе»] // Нингэн бунка кэнкю: [Исследования по гуманитарным наукам]. Нагоя: Муниципальный университет г. Нагоя, 2017. С. 44–68.
- Войтишек, Агекян 2022 – *Войтишек Е.Э., Агекян А.А.* Древние гадательные практики в Японии: сакральные и игровые функции // Япония: цивилизация, культура, язык / Отв. ред. и сост. А.В. Филиппов, Н.А. Самойлов, Е.М. Османов. СПб.: Art-xpress, 2022. С. 336–350.
- Древняя Япония 2022 – Древняя Япония в Восточной Азии: археология, мифология, история: К 100-летию со дня рождения Михаила Васильевича Воробьева (1922–1995): Сборник воспоминаний и научных трудов / Ред. Л.М. Ермакова, А.В. Филиппов, Е.С. Бакшеев, Д.А. Суровень. Екатеринбург: Альфапринт, 2022. 684 с.
- Ермакова 2020 – *Ермакова Л.М.* Когда раскрылись Небо и Земля: Миф,

- ритуал, поэзия древней Японии: В 2 т. Т. 1: Исследования. М.: Наука, 2020. 439 с.
- Ермакова 2022 – *Ермакова Л.М.* Пространство и его боги в японских мифах // История и культура Японии. Вып. 14 / Сост. и отв. ред. А.Н. Мещеряков. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 139–151.
- Иванов 1978 – *Иванов Вяч.Вс.* Чет и нечет: Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978. 185 с.
- Кокубу 2015 – *Кокубу А.* Сирё, синдзи-ни миру уранаи-но суюх: – ко:ко сирё:то-но хикаку-о тю:син-ни [Способы гадания по историческим источникам и в ритуалах – в сопоставлении с археологическими данными] // Тиба дайгаку Дайгакуин дзиммонсякай кагаку кэнкю:ка кэнкю: пуродзэкуто хо:кокусё [Отчеты по исследовательскому проекту по гуманитарным и социальным наукам докторантуры университета Тиба]. Тиба: Ун-т Тиба, 2015. С. 99–113.
- Крюков 1972 – *Крюков М.В.* Язык иньских надписей. М.: Наука, 1972. 135 с.
- Крюков 2012 – *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М.: Памятники исторической мысли, 2012. 398 с.
- Романов 1991 – *Романов В.Н.* Историческое развитие культуры: Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. 190 с.
- Faure 2015 – *Faure B.* The fluid Pantheon. Prologue. URL: https://www.academia.edu/16308053/The_Fluid_Pantheon_Prologue (дата обращения 20 февр. 2022).
- Kory 2015 – *Kory S.N.* From deer bones to turtle shells. The state ritualization of pyro-plastromancy during the Nara-Heian transition // *Japanese Journal of Religious Studies*. 2015. Vol. 42. No. 2. P. 339–380.

References

- Asaoka, E. (2017), “A study of the ancient Urabe family. The genealogy of the family of the administrators of the rite from the point of view of the ‘Newly compiled record of turtle omens’”, *Ningen bunka kenkyu*: [Studies in the Humanities], Nagoya Municipal University, Nagoya, Japan, pp. 44–68.
- Ermakova, L.M. (2020), *Kogda raskrylis’ Nebo i Zemlya: Mif, ritual, poeziya drevnei Yaponii: V 2 t. T. 1: Issledovaniya* [When Heaven and Earth opened. Myth, ritual, poetry of ancient Japan], vol. 1, Nauka, Moscow, Russia.
- Ermakova, L.M. (2022), “Space and its Gods in Japanese myths”, in Meshcheryakov, A.N. (ed.), *Istoriya i kul'tura Yaponii. Vyp. 14* [History and culture of Japan. Issue 14], Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, Moscow, Russia, pp. 139–151.
- Ermakova, L.M., Filippov, A.V., Baksheev, E.S. and D.A. Suroven' (eds.) (2022), *Drevnyaya Yaponiya v Vostochnoi Azii: arkheologiya, mifologiya, istoriya: K 100-letiyu so dnya rozhdeniya Mikhaila Vasil'evicha Vorob'eva*

- (1922–1995): *Sbornik vospominanii i nauchnykh trudov* [Ancient Japan in East Asia. Archeology, mythology, history. To the 100th anniversary of the birth of Mikhail Vasilyevich Vorobyov (1922–1995). Collection of memoirs and scientific papers], Alfaprint, Ekaterinburg, Russia.
- Faure, B. (2015), *The fluid Pantheon. Prologue*, available at: https://www.academia.edu/16308053/The_Fluid_Pantheon_Prologue (Accessed 20 Febr. 2022).
- Ivanov, Vyach.Vs. (1978), *Chet i nechet: Asimetriya mozga i znakovykh sistem* [Even and odd. Asymmetry of the brain and sign systems], Soviet radio, Moscow, USSR.
- Kokubu, A. (2015), “Methods of divination according to historical sources and in rituals – in comparison with archaeological data”, in *Chiba daigaku Daigakuin jimmonshakai kagaku kenkyu.ka kenkyu.purozekuto ho:kokusho* [Research project reports on the humanities and social sciences of Chiba University doctoral studies], Chiba University, Chiba, Japan, pp. 99–113.
- Kory, S.N. (2015), “From deer bones to turtle shells. The state ritualization of pyro-plastromancy during the Nara-Heian transition”, *Japanese Journal of Religious Studies*, vol. 42, no. 2, pp. 339–380.
- Kryukov, M.V. (1972), *Yazyk in'skikh nadpisei* [The language of Yin inscriptions], Nauka, Moscow, USSR.
- Kryukov, V.M. (2012), *Ritual'naya kommunikatsiya v drevnem Kitae* [Ritual communication in Ancient China], Pamyatniki istoricheskoi mysli, Moscow, Russia.
- Romanov, V.N. (1991), *Istoricheskoe razvitie kul'tury: Problemy tipologii* [Historical development of culture. Problems of typology], Nauka, Moscow, USSR.
- Voitishek, E.E. and Agekyan, A.A. (2022), “Ancient fortune-telling practices in Japan. Sacred and game functions”, in Filippov, A.V., Samoilov, N.A. and Osmanov, E.M., *Yaponiya: tsivilizatsiya, kul'tura, yazyk* [Japan. Civilization, culture, language], Art-xpress, Saint Petersburg, Russia, pp. 336–350.

Информация об авторе

Людмила М. Ермакова, доктор филологических наук, заслуженный профессор, Муниципальный университет иностранных языков г. Кобэ, Япония; 651–2187, Япония, преф. Хёго, г. Кобэ, Ниси-ку, Гакуэн Хигасимати, д. 9–1; lermakova@gmail.com

Information about the author

Liudmila M. Ermakova, Dr. of Sci. (Philology), professor Emeritus, Kobe City University of Foreign Studies, Kobe, Japan; bld. 9, Chome–1, Gakuen Higashimachi, Nishi-ku, Kōbe-shi, Hyōgo-ken, Japan, 651–2102; lermakova@gmail.com